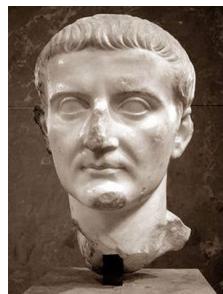

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК
(65 г.–8 г. до Р.Х.)

К САМОМУ СЕБЕ
Перевод А. Семенова-Тян-Шанского

Богов поклонник редкий и ветреный,
Хотя безумной мудрости следуя,
Блуждал я, ныне вспять направить
Я принужден свой челнок и прежних

Путей держаться. Ибо Диеспитер¹,
Обычно тучи молнией режущий,
Вдруг по безоблачному небу
Коней промчал с грохотаньем тяжким,

Что потрясает землю недвижную
И зыби рек, и Стикс, и ужасные
Врата Тенара, и Атланта
Крайний предел. Божеству подвластно

Высоким сделать низкое, славного
Низринуть сразу, выявить скрытое:
Судьба венец с тебя срывает,
Чтобы, ликуя, венчать другого.

К РЕСПУБЛИКЕ
Перевод А. Семенова-Тян-Шанского

О корабль, вот опять в море несет тебя
Бурный вал. Удержись! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже
Весла, – бурей твоя мачта надломлена, –
Снасти жутко трещат, – скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

Силу волн? Паруса – в клочья растерзаны;

¹ Диеспитер – торжественное имя Юпитера.

Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами²!

К РИМСКОМУ НАРОДУ

Перевод А. Семенова-Тян-Шанского

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!

Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою –

Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,

Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,

А для того, чтобы, парфянам на руку,
Наш Рим погиб от рук своих?

Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждя лишь с другим зверьем!

Ослепли вы? Влечет вас всех неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!

Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы – в оцепенении...

Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,

Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклявшая.

К АВГУСТУ

Перевод О. Румера

Хотел воспеть я брань и крушение
Держав, но лира грянула Фебова,
Чтоб робкий парус не боролся
С морем Тирренским. В твой век, о Цезарь,

Тучнеют нивы, солнцем согретые,
Знамена дремлют в храме Юпитера,

² Циклады – каменистые острова Эгейского моря.

Забыв парфянский плен позорный;
Долго пустевший приют Квирина³ –

Святыня снов! Ты обуздать сумел
Рукой железной зло своеволия;
Изгнав навеки преступленья,
Ты возвратил нам былую доблесть.

Она когда-то мощь итальянскую –
Латинов имя – грозно прославила
В безмерном мире: от восхода
До гесперийской закатной грани!

Ты наш защитник, Цезарь! Ни гибельной
Войны гражданской ужас не страшен нам,
Ни гнев, кующий меч, чтобы расплю
Города с городом вызвать снова!

Твоим законам, Август, покорствуют
Дуная воду пьющие варвары
И гет, и сер, и парф лукавый,
И порожденные Доном скифы.

А мы, ликуя в будни и праздники,
Дары вкушаем доброго Либера
В кругу детей и жен любимых,
Не забывая богам молиться.

А мы, как наши пращуры, песнями
Под флейту славим доблесть и праведность
Мужей троянских, и Анхиза⁴
С отприском дивным благой Венеры.

ИЗ «САТИРЫ» *Перевод М. Дмитриева*

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий.
<...>

Цервий меж тем, наш сосед, побасёнку расскажет нам кстати.
Если богатство Арея кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
«Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила

³ Приют Квирина – храм Януса. В древнеримской мифологии – двуликий бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца. Янус открывал врата во время войны и закрывал во время мира.

⁴ Анхиз и его сын от Венеры Эней считались прародителями рода Юлиев, к которому принадлежал Август.

В бедную нору – они старинными были друзьями.
Скудно хозяйка жила, но для госты всю душу открыла:
Чем богата, тем рада; что было – ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостью хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостья брезгливо глядит, чуть касается кушаний зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
Вот наконец горожанка так речь начала: “Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, средь лишений!
Разве не лучше дремучих лесов многолюдный наш город?
Хочешь – пойдем со мною туда! Все, что жизнию дышит,
Смерти подвластно на нашей земле: и великий и малый,
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь, и пользуйся жизнью,
Помня, что краток наш век”. Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг – и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, чтобы затемно тайно
В стену пролезть. И уж ночь, совершая свой путь поднебесный,
За половину прошла, когда наконец две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Ложам роскошным из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в корзинах, наваленных грудой,
Были на блюдах остатки вчерашнего пышного пира.
Вот, уложив деревенскую гостью на пурпурном ложе,
Стала хозяйка ее угощать, хлопоча деловито:
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая лизнуть и сама от каждого блюда.
Та же, разлегшись спокойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! Но вдруг громыхнули запоры,
С треском скрипнула тяжкая дверь – и хозяйка и гостья
С ложа скорее долой и дрожа заметались по зале.
Дальше – больше: совсем еле живы, услышали мышки
Зычное лаянье псов. “Ну нет! – говорит поселянка. –
Эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду – преспокойно гладить чечевицу!”»

К ЛИЦИНИЮ МУРЕНЕ⁵

Перевод З. Морозкиной

Правильнее жить ты, Лициний, будешь,
Пролагая путь не в открытом море,
Где опасен вихрь, и не слишком близко
К скалам прибрежным.

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,

⁵ Лициний Мурена – шурин Мецената, впоследствии казненный за участие в заговоре против Августа.

Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.

Ветер гнет сильней вековые сосны,
Падать тяжелей высочайшим башням,
Молнии удар поражает чаще
Горные выси.

В горестях надежд, опасений в счастье
Не теряет муж с закаленным сердцем.
И приводит к нам и уводит зимы
Тот же Юпитер.

Плохо пусть сейчас – не всегда так будет.
Не всегда и Феб напрягает лук свой:
Час придет – и звонкой струной он будит
Сонную Музу.

Бедами стеснен, ты не падай духом,
Мужественным будь. Но умей убавить,
Если вдруг крепчать стал попутный ветер,
Парус упругий.

К ЛИДЕ

Перевод Г. Церетели

Что другое в Нептунов день⁶
Делать мне? Ты достань, Лида, проворнее
Из подвала пекубское
И конец положи думе назойливой.

Видишь: полдень склоняется,
Ты же, словно и впрямь день окрыленный спит,
Медлишь вынуть из погреба
В нем застрявший кувшин времени Бибула⁷.

В сменной песне Нептуна я
Воспою, Нереид кудри зеленые.
Ты на лире изогнутой
Про Латону споешь, про Стреловержицу⁸;

Под конец мы восславим ту,
Что над Книдом царит и над Цикладами,
И на Паф с лебедей глядит⁹, –
По заслугам и Ночь будет помянута.

⁶ Нептунов деньправлялся 23 июля.

⁷ *Бибул* – этимологически это имя значит «пьяница».

⁸ *Стреловержица* – Диана, в древнегреческих мифах Артемида, дочь Латоны.

⁹ Речь идет о Венере, в древнегреческих мифах – Афродите. Благодаря своей красоте, лебедь стал атрибутом Венеры: пара лебедей везет ее колесницу.

К МЕЦЕНАТУ¹⁰
Перевод Г. Церетели

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Уже я чую: тоныше становятся
Под грубой кожей скрытые голени –
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Летя быстрее сына Дедалова,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора берег, заливы Сирта,
Гиперборейских полей¹¹ безбрежность,

Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред римским строем, колхидане,
Гелоны¹² дальние, иберы,
Галлы, которых питает Рона¹³.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести.
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

К МЕЛЬПОМЕНЕ¹⁴
Перевод С. Шервинского

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет, время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь

¹⁰ *Меценат*, Гай Цильний – выдающийся римский государственный деятель, покровитель искусств.

¹¹ *Гиперборейские поля* – пределы гипербореев, мифического народа, жившего на Крайнем Севере.

¹² *Гелоны* – здесь в смысле: скифы. Скифами римляне называли многие народы, населявшие степи на север и северо-восток от Черного моря.

¹³ *Рона* – река в Галлии.

¹⁴ *Мельпомена* – в древнегреческой мифологии муза трагедии.

Восхваляем, доколь по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную¹⁵.
Назван буду везде – там, где неистовый
Авфид¹⁶ ропщет, где Давн¹⁷, скучный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,

Первым я приобщил песню Эолии¹⁸
К итальянским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

К СВОЕЙ КНИГЕ *Перевод Н. Гинцбурга*

Кажется, книжка, уже ты глядишь на форум, на лавки,
Хочешь стоять на виду, приглажена Сосиев пемзой.
Ты ненавидишь замки и печати, приятные скромным;
Стонешь ты в тесном кругу и места многолюдные хвалишь,
Вскормлена хоть и не так. Ну что же, ступай, куда хочешь!
Но не забудь: уйдешь – не вернешься. Сама пожалеешь:
«Что я наделала! – будешь твердить. – Чего захотела!»
<...>

Будешь ты Риму мила, пока не пройдет твоя младость;
После ж, руками толпы захватана, станешь ты грязной,
Непросвещенную моль молчаливо кормить будешь, или
Скроешься в Утику ты, иль сослана будешь в Илерду¹⁹.
Будет смеяться советчик, кому ты не вняла; как в басне
Тот, что на скалы столкнул осленка упрямого в гневе:
Кто же станет спасать того, кто не хочет спасаться?
Ну, а после всего останется только в предместьях
Чтенью ребят обучать, покуда язык не отсохнет.
Там-то, в теплые дни, когда будет кому тебя слушать,
Ты расскажи, что я, сын отпущенца, при средствах ничтожных
Крылья свои распростер, по сравнению с гнездом, непомерно:
Род мой насколько умалишь, настолько умножишь ты доблесть;
Первым я Рима мужам на войне полюбился и дома,
Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,
Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабрей уже полностью сорок четыре
В год, когда Лоллий себе в товарищи Лепида выбрал²⁰.

¹⁵ Верховный жрец и старшая весталка ежегодно совершали па Капитолии молебствие о благе Рима.

¹⁶ Авфид – река в Апулии.

¹⁷ Давн – легендарный царь Апулии, родины Горация.

¹⁸ Первым я приобщил песню Эолии... – то есть греческую лирику перенес на римскую почву. Гораций считал это главной своей заслугой. Главными представителями эолийской лирики были Алкей и Сафо.

¹⁹ Утика, Илерда – римские провинции.

²⁰ Консульство Лоллия и Лепида – 21 г. до Р.Х.